

ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.

На ст. жел. д. 20 коп.

НОВЫЙ САТИРИКОН

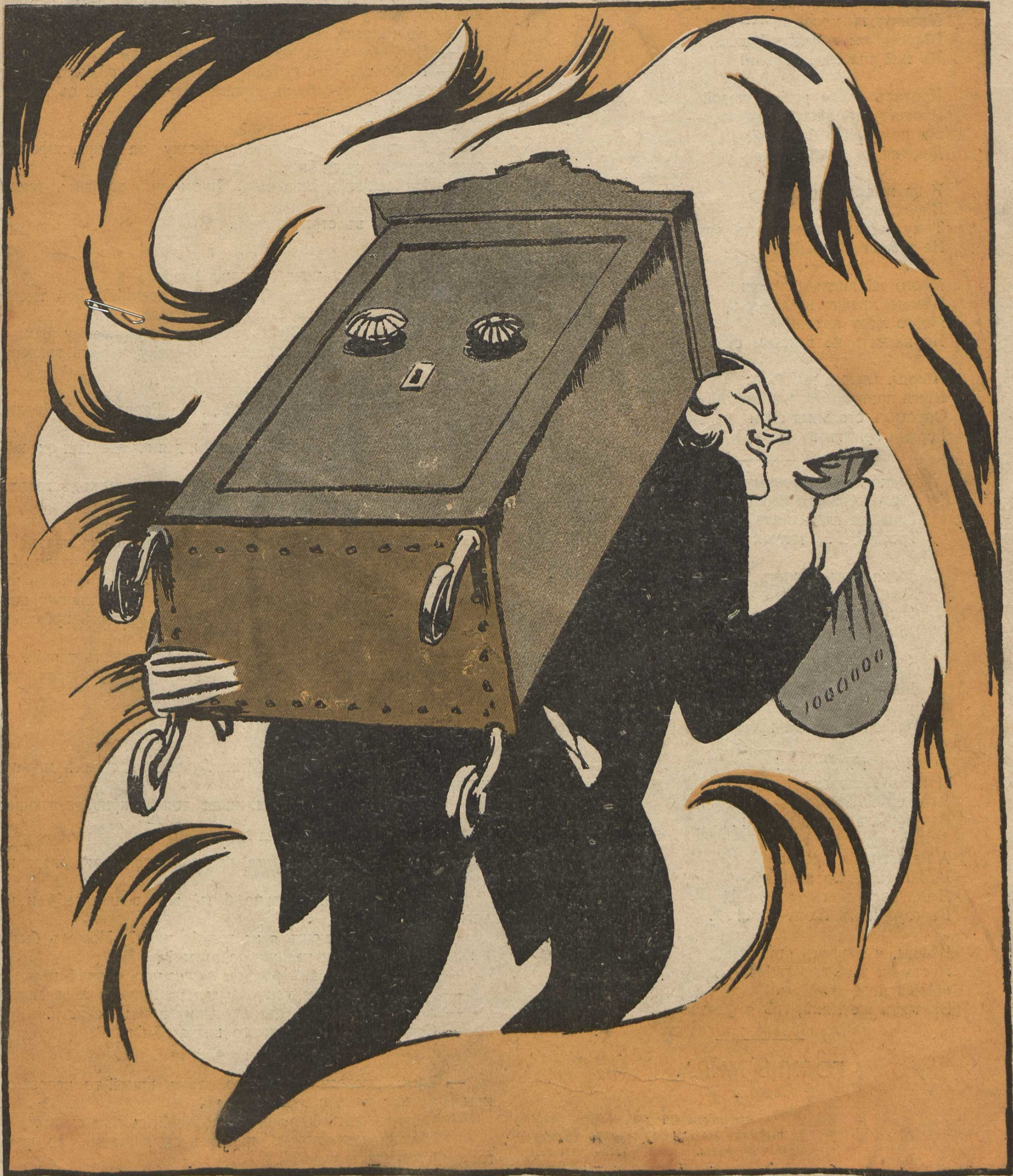
№ 51

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1915

17 ДЕКАБРЯ

Рис. Ре-ми

СПАСАЮТЪ ИМУЩЕСТВО...

Въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Петрогр. Газеты“ Марковъ 2-й сказалъ: Сейчасъ о реформахъ не можетъ быть разговора. Теперь — пожаръ, пожаръ великой войны въ великомъ зданіи Россіи. И только сумасшедшій олеиваетъ обоями квартиру, когда въ ней начался пожаръ.

А несумасшедшіе дѣлаютъ вотъ что!

Подписная цѣна на 1915 годъ на 1 мѣсяць 60 коп.

МОРСКАЯ ПѢСЕНКА.

«Пусть кричатъ, что нѣмцы въ Килѣ
Маринуютъ корабли, —
Вѣримъ мы подводной силѣ,
Въ ней спасенье обрѣли!

Противъ риска всей армадой
Протестуетъ нашъ карманъ, —
Мы подводною блокадой
Доканаемъ англичанъ!»

И на мысли эти ходокъ
Пивохлещущій тевтонъ,
Тьму наслалъ подводныхъ лодокъ
На туманный Альбионъ.

Много мѣсяцевъ блудили
Нѣмцы храбро на моряхъ,
Много лоду потопили,
Но нагнать не властны страхъ...

Нѣмцы, глупыя вы дѣти:
Вѣкъ прожить нельзя во злѣ, —
Опустилъ стальные сѣти
Гордый бриттъ въ Па-де-Кале...

Лодка мчится полнымъ ходомъ,
Гордо держитъ перископъ;
Тишь да гладь подъ небосводомъ...
Трескъ!... толчокъ, и лодка — стопъ!

Лодка бьется, какъ акула:
Ходитъ винтъ, дрожатъ рули, —
Сѣть стальная захлестнула,
Не порвать, какъ ни юли!...

Соблюдая флагу вѣрность,
Лодка бьется до зари,
Выпуская на поверхность
Масло, нефть да пузыри...

Непрятная картинка!
И позоръ, позоръ какой:
Чтобы Михель, какъ сардинка,
Взять былъ голою рукой!...

А на аглицкія мрежи
Налетѣть легко во мглѣ,
Между вражбыхъ побережій
Въ глубинахъ Па-де-Кале!...

Нѣмцы, я привелъ причины...
Пусть же кайзеръ изречетъ:
«Маринуйте сумбарини
Въ томъ же Килѣ, гдѣ и флотъ»...

Красный.

ГОЛУБЬ МИРА.

Американскій миллионеръ Фордъ
выгхалъ въ Европу мирить враждую-
щія стороны. (Изъ газетъ.)

— Вильямсъ, мнѣ скучно.

— Можетъ быть, мистеръ Фордъ пожелаетъ посмотреть,
какъ лучший хирургъ въ странѣ прививаетъ за двѣ тысячи
долларовъ мышинный тифъ лучшему въ странѣ слону?

— Видѣлъ. Послѣ зарѣжете этого слона, нафаршируете
его лучшей въ странѣ вѣнской мебелью, и пусть объ этомъ
будетъ напечатано въ газетѣ.

— Въ лучшей газетѣ, сэръ. Двѣ тысячи долларовъ луч-
шему въ странѣ репортеру.

— Дала ли ростки финиковая пальма, которую третьяго
дня посадили у меня подъ кроватью?

— Колеблется, но даетъ, сэръ.

— Что объ этомъ говорятъ въ обществѣ?

— Говорятъ, что лучший въ странѣ миллионеръ Фордъ
неистощимъ на лучшія въ странѣ выдумки. Двѣ съ полови-
ной тысячи долларовъ.

— Кому, Вильямсъ, кому?

— Лучшему въ странѣ обществу за циркулированіе
среди него этого мнѣнія.

— Мнѣ скучно, Вильямсъ. Пусть мнѣ вставятъ лишній
золотой зубъ.

— Лучшій въ странѣ, сэръ.

* * *

— Вильямсъ, у меня блеснула идея.

— Алло! «Нью-Йоркъ Таймсъ»? Редакція? Двѣ тысячи
долларовъ! У миллионера Форда блеснула...

— Не для этого. Пусть это останется между нами и
міромъ, если вы такъ хотите... Я хочу мирить воюющія
державы.

— Лучшія въ странѣ державы, сэръ?

— Я хочу помирить союзниковъ и Германію. Закажите
пароходъ.

— Прикажете запретъ лошадьми, для города или океана?

— Океана.

— Лучшаго въ странѣ океана. Есть. Пароходъ готовъ,
оборудованъ и въ нетерпѣніи дожидается сэра.

— Обставьте его.

— Лучшія въ странѣ горничныя въ бархатныхъ платьяхъ,
матросы съ университетскимъ образованіемъ, штурманъ —
маркизь стараго рода, въ трюмѣ произведенія великихъ ху-
дожниковъ, мебель изъ воробьиной кожи, платиновыя под-
мостики, старыя испанскія сигары въ серебряныхъ зубахъ у
проводящихъ...

— Именно. Буду черезъ восемь минутъ шесть терцій.

— Алло! Редакція? Извѣстный миллионеръ Фордъ, ко-
торый извѣстенъ тѣмъ, что...

* * *

— Вильямсъ, это Гаага?

— Лучшая въ странѣ Гаага. Лучшіе въ странѣ мирные
конгрессы.

— Вильямсъ, гдѣ восхищенная толпа, привѣтствующая
голубя мира?

— Восемь тысячъ долларовъ.

— И только одна старуха, просящая еще полдоллара на
что-то?

— Жадная, сэръ. Должно быть, все взяла себѣ и не
предупредила.

— Вильямсъ, похожъ я на голубя мира? Можетъ быть,
я неправильно держу пальмовую вѣтку?

— Лучшій въ странѣ ротъ и лучшая въ странѣ вѣтка.

— Можетъ быть, у меня крылья не хорошо привязаны?

— Лучшіе голуби въ странѣ плакали отъ зависти.

— Странно... И никакого впечатлѣнія.

* * *

— Ваше превосходительство, тамъ какой-то человекъ
крыльями хлопаетъ и васъ проситъ.

— Смотри, какъ бы планъ укрѣпленій еще не снялъ.

— Никакъ невозможно, палочка съ листьями во рту,
головой трясетъ и мычитъ.

— Проси. Честь имѣю...

— Сэръ, лучший въ странѣ полководецъ! Разрѣшите
вынуть палочку изо рта? Миллиардеръ Фордъ!

— Мнѣ некогда, простите.

— Я пріѣхалъ мирить Европу.

— Можетъ, послѣ войны заѣдете? Сейчасъ всѣ такъ
заняты, такъ заняты...

— Я уйду, только помиривъ Европу. Сто тысячъ лучшихъ въ странѣ долларовъ.

— Сержантъ, отведите господина въ офицерское собраніе, тамъ есть свободные люди.

* * *

— Вильямсъ, что пишутъ обо мнѣ ихъ газеты?

— Вами занята вся нейтральная пресса, сэръ. Вотъ статья въ большой вліятельной газетѣ.

— Время — деньги. Только — заглавія.

— «Веселый старикъ. Рѣдкій случай слабоумія. Человѣкъ, которому нечего дѣлать. Американская обезьяна. Лбомъ о стѣну. Что смотритъ полиція? Идіотъ.»

— Вильямсъ, мнѣ что-то не хочется мирить.

— Слушаю, сэръ.

— Уложите крылья. Не погните ихъ въ чемоданѣ. Въ точку можно оставить въ Гаагѣ. Черезъ шесть минутъ и...

— Пароходъ дожидается.

* * *

— Вильямсъ... Да это Нью-Йоркъ... Что это за толпа на берегу?...

— Восхищенная толпа. Кableграмма. Двѣ тысячи долларовъ.

— Прекрасно. Даю вамъ шесть сутокъ отпуска на окончаніе Бруклинскаго университета.

— Слушаю, сэръ.

— А что мы будемъ дѣлать, когда пріѣдемъ, Вильямсъ? Мнѣ уже становится скучно. Что у васъ приготовлено на будущую недѣлю?

— Надѣваніе лебединого оперенія на граммофонъ, сэръ. Прививка бѣшенства лучшему въ странѣ бильярдисту, сэръ. Визитъ къ стальному королю на дрессированныхъ... Сэръ изволилъ задуматься?

— Ахъ, да... Продолжайте... Въ концѣ концовъ я все-таки ихъ когда-нибудь примирю...

Арк. Буховъ.

ВСКОЛЬЗЬ.

Довольно глупостей и вздору,
Долой обманчивые сны!...
Нелѣпо ждать въ такую пору
Всеоживляющей весны!
«Декабрь не май», внимай, уроды!
Прочь грезъ несбыточныхъ часы!...
«Зимой, — таковъ законъ природы, —
Краснѣютъ... лишь одни носы».

Въ Петроградѣ городкѣ
Есть такое зданье;
Мирно дремлетъ на замкѣ
Мирное созданье.
Вкругъ пустыня... Никого!
Спятъ былыя злобы...
И растутъ вокругъ него
Бѣлые сугробы...

Въ былыя, давнія лѣта
Жилось намъ туго, дѣти,
И только «общія мѣста»
Мы видѣли въ газетѣ.
Теперь ужъ музыка не та,
Миръ выступилъ съ протестомъ:
Въ газетахъ «общія мѣста»
Смѣнились... «бѣлымъ мѣстомъ».

Джо.

ПЕРСИДСКІЙ ЛЕВЪ.

Рис. В. Лебедева.

Русскій солдатъ (послѣ занятія Хамадана): — Пиши, не пиши — все равно, никто не испугается.

Гамлетъ: — Позволь мнѣ, Ивановъ Павель, хотя бы на праздникахъ поиграть! Ты четыреста разъ шель, а меня забывать стали! — Что ты, что ты?! Это на праздникахъ-то, когда сборы битковые!

И. Тургеневъ: — Давно что-то меня не издавали, г. издатель!..
Издатель: — Зачѣмъ издавать васъ, когда у насъ есть госпожа Вербицкая съ „Ключами счастья!“ Не надо: не разойдетесь!..

Бетховень — Мои произведенія стали мало играть, мои ноты лежать на полкахъ...
Нотный издатель: — Спроса нѣтъ. Вотъ если бы вы какъ-уокъ написали — пошло бы: во всѣ кафе-шантаны просять.

... Пшли печальные, разочарсванные, угнетенные. Встрѣтили чловѣка съ добрымъ лицомъ, пожаловались.
Чловѣкъ съ добрымъ лицомъ воскликнулъ:
— Съ вами да не сдѣлаь геніального дѣла?! Не можетъ быть. Я беру васъ. Ты, Бетховень, напиши драму, Гамлетъ напишетъ къ ней музыку, а ты, Тургеневъ, ее сыграешь. Ручаюсь — народъ валомъ повалить.

ГАРЕМЪ ВЪ 1915 ГОДУ.

— Что это наш повелитель нынче такъ грустенъ?

— Да, видишь ли, онъ хотѣлъ сегодня подарить своей любовью Зюлейку, а нѣмецкій инструкторъ, что состоитъ при гаремѣ, назначилъ ему старую Фатьму.

БРИТВА ВЪ КИСЕЛѢ.

Разсказъ Арк. Аверченко.

Глава I.

Два раза въ день изъ города Калиткина въ Святогорскій монастырь и обратно отправлялась линейка, управляемая грязноватымъ, мрачноватымъ, глуповатымъ парнемъ.

Въ этотъ день линейка приняла только двухъ, незнакомыхъ между собою, пассажировъ: драматическую артистку Бронзову и литератора Ошмянскаго.

Полдороги оба, по русско-английской привычкѣ, молчали, какъ убитые, ибо не были представлены другъ другу.

Но съ полдороги случилось маленькое происшествіе: мрачный, сонный парень молниеносно сошелъ съ ума... Ни съ того, ни съ сего онъ вдругъ почувствовалъ приливъ нечеловѣческой энергии: привсталъ на козлахъ, свистнулъ, гикнулъ и принялся хлестать кнутомъ лошадей съ такимъ бѣшенствомъ и яростью, будто собирался убить ихъ. Обезумѣвшія отъ ужаса лошади сдѣлали отчаянный прыжокъ, понесли, свернули къ краю дороги, налетѣли переднимъ колесомъ на большой камень, линейка подскочила кверху, накренилась на бокъ и, охваченная отъ такой тряски морской болѣзнью, выплонула обоихъ пассажировъ на пыльную дорогу.

Въ это время молниеносное помѣшательство парня пришло къ концу: онъ сдержалъ лошадей, прыгнулъ съ козелъ и, остановившись надъ поверженными въ прахъ пассажирами, погрузился въ не оправдываемую обстоятельствами, сонную задумчивость:

— Упали? — освѣдомился онъ.

Литераторъ Ошмянскій сидѣлъ на дорогѣ, растирая ушибленную ногу и съ любопытствомъ осматривая продранные

на колѣнѣ брюки... Бронзова вскочила на ноги и, энергично дернувъ Ошмянскаго за плечо, нетерпѣливо сказала:

— Ну?!

— Что такое? — спросилъ Ошмянскій, поднимая на нее медлительные лѣнливые глаза.

Тутъ же Бронзова замѣтила, что эти глаза очень красивы...

— Чего вы сидите?

— А что?

— Да дѣлайте же что-нибудь!

— А что бы вы считали въ данномъ случаѣ умѣстнымъ?

— О Боже мой! Да я бы на вашемъ мѣстѣ уже десять разъ поколотила этого негодяя.

— За что?

— Боже ты мой! Вывалилъ насъ, испортилъ вамъ костюмъ, я ушибла себѣ руку.

Облокотившись на придорожный камень, Ошмянскій принялъ болѣе удобную позу и, поглядывая на Бронзову снизу вверхъ, замѣтилъ съ лѣнливой разсудительностью:

— Но вѣдь отъ того, что я поколочу этого безнадежнаго дурака, ваша рука сразу не заживетъ и дырка на моихъ брюкахъ не затянется?

— Боже, какая вы мямля! Вы что, сильно расшиблись?

— О, нѣтъ, что вы!...

— Такъ чего же вы разлеглись на дорогѣ?

— А я сейчасъ встану.

— Отъ чего это, собственно, зависитъ?

— Я жду прилива такой же сумасшедшей энергии, какъ

та, которая обуяла пять минут назад нашего возницу.

— Знаете, что вы мнѣ напоминаете? Кисель.

Ошмянскій заложилъ руки за голову, запрокинулся и, будто обрадовавшись, что можно еще минутку не выходить изъ состоянія покоя, спросилъ:

— Клюквенный?

— Это не важно. Выплеснули васъ на дорогу, какъ тарелку киселя — вы и разлились, растеклись по пыли. Дайте руку... Ну — гопъ!

Онъ всталъ, отряхнулся, улыбнулся свѣтлой улыбкой и спросилъ:

— А теперь что?

— О Боже мой! Неужели вы такъ и смолчите этому негодяю?! Ну, если у васъ не хватаетъ темперамента, чтобы поколотить его, — хоть выругайте!

— Сейчасъ, — вѣжливо согласился Ошмянскій.

Подошелъ къ возницѣ и, свирѣпо нахмутивъ брови, сказалъ:

— Мерзавецъ. Понимаешь?

— Понимаю.

— Вотъ возьму, выдавлю тебѣ такъ вотъ, двумя пальцами, глаза и засуну ихъ тебѣ въ ротъ, чтобы ты впредь могъ брать глаза въ зубы. Свиныя ты.

И оставивъ оторопѣвшаго возницу, Ошмянскій отошелъ къ Бронзовой.

— Уже.

— Видѣла. Вы это сдѣлали такъ, будто не сердце срывали, а неприятный долгъ исполнили. Кисель!

— А вы — бритва.

— Ну — ѣдемъ? Или вы еще тутъ, на дорогѣ, съ полчаса полежите?

Поѣхали.

Глава II.

Въ Святогорскомъ монастырѣ гуляли. Потомъ пили чай. Потомъ сидѣли, освѣщенные луной, на верандѣ, съ которой открывался видъ верстъ на двадцать. Говорили...

Какая внутренняя душевная работа происходитъ въ актрисѣ и литераторѣ, когда они остаются вдвоемъ въ лунный теплый вечеръ — это мало изслѣдовано... Можетъ быть, общность служенія почти одному и тому же великому искусству сближаетъ и сокращаетъ всѣ сроки. Дѣло въ томъ, что, когда литераторъ взялъ руку актрисы и три раза поцѣловалъ ее, рука была отнята только минутъ черезъ пять.

Глава III.

На другой день Ошмянскій пришелъ къ Бронзовой, въ гостиницу «Бристоль», № 46, гдѣ она остановилась. Пили чай. Разговаривали долго и съ толкомъ о театрѣ, литературѣ.

А когда Бронзова пожаловалась, что у нея болитъ около уха и что она, кажется, оцарапалась тогда, благодаря тому дураку, о камень, Ошмянскій заявилъ, что онъ освидѣтельствуетъ это лично.

Приподнялъ прядь волосъ, обнаружилъ маленькую царапину, которую немедленно же и поцѣловалъ.

Дѣйствительность этого, неизвѣстнаго еще въ медицинѣ средства могла быть доказана хотя бы тѣмъ, что въ теченіе вечера разговоры были обо всемъ, кромѣ царапины.

Когда Ошмянскій ушелъ, Бронзова закинула руки за голову, прошептала:

— Милый, милый, глупый, глупый!

И засмѣялась.

— И, однако, онъ, кажется, порядочная размазня... Женщина изъ него можетъ веревки вить.

Закончила нѣсколько неожиданно:

— А оно, пожалуй, и лучше.

Глава IV.

Прошло двѣ недѣли.

Гостиница «Бристоль».

На доскѣ, съ перечисленіемъ постояльцевъ — противъ № 46 мѣломъ написаны двѣ фамиліи:

Ошмянскій.

Бронзова.

Глава V.

Въ августѣ оба уѣзжали въ Петроградъ.

Въ купе, подъ убаюкивающее покачиваніе вагона, произошелъ разговоръ:

— Володя, — спросила Бронзова. — Ты меня любишь?

— Очень. А что?

— Ты обратилъ вниманіе на то, что нѣкоторыя фамиліи, когда ихъ произносишь, носятъ въ себѣ что-то недосказанное... Будто маленькая комнатка въ три аршина, въ которой нельзя и шагнуть, какъ слѣдуетъ... Только разгонишься и уже — стопъ! Стѣна.

— Напримѣръ, какая фамилія?

— Напримѣръ, моя — Бронзова.

— Что же съ этимъ подѣлать?...

— Есть выходъ: Бронзова-Ошмянская. Это будетъ не фамилія, а законченное, художественное произведеніе. Не эскизъ, не подмалевка, а цѣнная картина...

— Я тебя не понимаю.

— Володя... Я хочу, чтобы ты на мнѣ женился.

— Что за фантазія?... Развѣ намъ и такъ плохо?

Его лѣнивыя, сонныя вѣки медленно поднялись, и онъ ласково и изумленно поглядѣлъ на нее.

— Если ты меня любишь, ты долженъ для меня сдѣлать это...

— А ты не боишься, что это убьетъ нашу любовь?

— Настоящую любовь ничто не убьетъ.

— А ты знаешь, что я изъ мѣщанскаго званія? Приятно это будетъ?

— Если ты такъ говоришь, то ты не изъ мѣщанскаго званія, а изъ дурацкаго. Ну, Кисель, милый Кися, говори: женишься на мнѣ?

— Видишь ли, я лично противъ этого, я считаю это ненужнымъ, но если ты такъ хочешь — женюсь.

— Вотъ сейчасъ ты не Кисель! Сейчасъ ты энергичный умный мальчикъ.

Она поцѣловала его, а вечеромъ, причесывая на ночь волосы, счастливая, подумала:

— Ужъ если я чего захочу — такъ то и будетъ. Милый, мой милый Кися...

Глава VI.

Бронзова впервые пріѣхала къ Ошмянскому въ его петроградскую квартиру и пришла отъ нея въ восторгъ:

— Всего три комнаты, а какъ мило, уютно...

Она подсѣла къ нему ближе, подкрѣпила силы поцѣлуемъ и, глядя его волосы, спросила:

— Володя... А когда же наша свадьба?

— Милая! Да когда угодно. Вотъ только получу изъ Калитнинской управы документы — и сейчасъ же.

— А безъ нихъ нельзя?

— Глупенькая, кто же станетъ вѣнчать безъ документовъ? Тамъ паспортъ, метрическое...

— А зачѣмъ они тамъ?

— Документы-то? Паспортъ для перемѣны отослать, а метрическое у тетки.

— Значитъ, ты это сдѣлаешь?

— Она еще спрашиваетъ! Чье это ушко?

— Нашего домохозяина.

— Ахъ, ты, мышенокъ!...

Глава VII.

Снова сидѣла Бронзова у Ошмянскаго... Онъ цѣловалъ ее волосы, и у него на горячихъ губахъ таяли снѣжинки, запутавшіяся въ волосахъ и не успѣвшія еще растаять.

Потому что былъ уже декабрь.

— Володя...

— Да?

— Ну, что же съ документами?

— Съ какими? Ахъ, да! Все собирался. Надо, дѣйствительно, будетъ поскорѣе написать. Завтра утромъ обязательно напишу.

— Спасибо, милый! Володя...

— Да?

— Ты хотѣлъ бы, чтобы мы вмѣстѣ жили?

— Вмѣстѣ? Это было бы хорошо.

— Хочешь ко мнѣ переѣхать?

— Нѣтъ, что ты... Вѣдь я тебя стѣсню. Ты дома работаешь, разучиваешь роли, а я только буду тебѣ мѣшать...

— Володя... Ну, я къ тебѣ переѣду... Хочешь?

— Дурочка! Да вѣдь у меня еще тѣснѣе. Я пишу, ты

разучиваешь роли, — оба мы будем другъ другу мѣшать... Понимаешь, иногда хочется быть совершенно одному со своими мыслями.

Она притихла. Отвернулась и молчала — только плечи ея тихо вздрагивали.

— Катя! Ты плачешь? Глупая... Изъ-за чего, право?... Это такой пустякъ!

— М... нѣ т-такъ хо-тѣ-лось...

— Ну, хорошо, ну, будетъ по-твоему... Переѣзжай.

— Милый! Ты такой хороший, добрый...

И сквозь слезы, какъ солнце сквозь капли дождя, проглянула счастливая улыбка.

Глава VIII.

Сидѣли въ ресторанѣ: Бронзова, Ошмянскій и его пріятель, Тутыкинъ.

— Володя! Ну, что, получилъ уже документы?

— Понимаешь, написалъ я все честь-честью — и до сихъ поръ никакого отвѣта. Работы у нихъ много, что ли?... У насъ теперь что? 14-е февраля? Ну, думаю, къ концу мѣсяца вышлютъ.

— Напиши имъ еще.

— Конечно, напишу.

Она посмотрѣла на него ласковымъ, любящимъ взоромъ и сказала:

— А знаешь, что тебѣ очень пошло бы: бархатная черная куртка. У тебя блѣдное матовое лицо, и куртка будетъ очень эффектна. Закажи. Хорошо?

— Да когда же я ее буду носить?

— Когда угодно! Ты вѣдь писатель — и имѣешь право. Въ гости, въ театр, въ ресторанъ...

— Не слишкомъ ли это будетъ бить на дешевый эффектъ?...

— Нѣтъ, нѣтъ! Володя... Я хочу!

— Ну, если ты хочешь, не можетъ быть никакого разговора. Закажу.

Въ ту же ночь пріятель Тутыкинъ, сидя въ дружеской компаніи, говорилъ, усмѣхаясь:

— Совсѣмъ погибла эта размазня Ошмянскій! Попалъ въ лапы такой бабы, что она его въ бараній рогъ скрутила.

— Красивая?

— Красивая. И острая, какъ бритва.

Глава IX.

Когда Бронзова и Ошмянскій вышли изъ ресторана, онъ сказалъ ей очень нѣжно:

— Катя... Я тебя завезу къ намъ домой, а самъ поѣду...

— Куда же? Вѣдь клубъ уже закрытъ.

— А... видишь... Мнѣ пописать хочется. Настроение нашло.

— Ну-у-у?

— Ахъ, да! Я тебѣ не говорилъ! Понимаешь, я снялъ двѣ маленькихъ комнатки и иногда утромъ, иногда днемъ удаляюсь туда поработать. Тихо, хорошо.

— Володя! — всплеснула руками Бронзова. — Да вѣдь это выходить, что я выгнала тебя изъ твоей квартиры?!

— Ну, что ты... Какой вздоръ! Просто я иногда долженъ оставаться одинъ. Знаешь, мы вѣдь, писатели, преоригинальный народъ! Я заѣду сейчасъ съ тобой къ намъ и заберу кое-что: письменный приборъ, лампу и одѣяло. По-душки тамъ есть.

Глава X.

— Володя! Заказалъ куртку?

— Да, былъ я у портного... Такъ мы ни до чего и не договорились. Онъ, видишь ли, не знаетъ, какой фасонъ... и вообще.

— Ну, ѣдемъ вмѣстѣ! Сейчасъ мы это все и устроимъ! Эхъ, ты, кисель мой ненаглядный... Документы уже получилъ?

— Написалъ снова. Боюсь, не затерялись ли они гдѣ-нибудь. На почтѣ, что ли.

— Дома сегодня будешь?

— То-есть гдѣ? У тебя? Да. Заѣду чайку выпить. А потомъ къ себѣ покачу: повѣсть нужно заканчивать... У себя же и заночую...

Глава XI.

— Смотри, Володя, какъ кстати: мы собираемся къ Тутыкинымъ, и тебѣ принесли бархатную куртку. Воображаю, какъ она тебѣ къ лицу. Надѣнь-ка ее. И я пойду переодеваться.

Бронзова ушла, а Ошмянскій взялъ куртку, положилъ ее на диванъ и потомъ, взявъ перочинный ножъ, распоролъ подъ мышкой прорѣху вершка въ два.

Сдѣлавъ печальное лицо, пошелъ къ Бронзовой.

— Чтобъ его черти съѣли, этого портного! Сдѣлавъ такой узкій рукавъ, что онъ подъ мышкой лопнулъ!

— Ну, давай, я зашью.

— Стоитъ ли? Опять лопнетъ. Тѣмъ болѣе, что воротнички безъ отворотовъ у меня дома, а на этотъ воротничокъ — надѣть трудно...

Глава XII.

Ошмянскій только что приготовилъ бумагу для разсказа и вывелъ заглавіе, какъ въ комнату постучались.

— Кто тамъ?

Дверь скрипнула — вошла Бронзова. Она была очень блѣдна, только запавшіе глаза горѣли мрачнымъ, нехорошимъ огнемъ.

— Прости, что я врываюсь къ тебѣ. Вѣдь эти комнаты, я знаю, ты снялъ специально для того, чтобы быть одному... Но — не бойся. Я пришла сюда въ первый и послѣдній разъ...

— Катя! Что случилось?

— Что? (Она упала головой на спинку кресла и горько зарыдала.) Что? (улыбнулась печально сквозь слезы и пошутила): Ты побѣдилъ меня, Галилеянинъ...

— Катя! Чѣмъ?!... Что ты говоришь?

— Ну, полно... Все равно, я ухожу уже навсегда и поэтому, довольно всякихъ разговоровъ и вопросовъ... Помнишь, при первомъ знакомствѣ я назвала тебя киселемъ, а ты меня бритвой. Пожалуй, такъ оно и есть. Я — бритва, я хотѣла, чтобы все было по-моему, я мечтала о счастьѣ, я знала, что ты безвольный кисель, и поэтому мое было право — руководить тобой, быть энергичнымъ началомъ въ совместной жизни... Но что же случилось? Бритва входила въ кисель, легко разрѣзывала его, какъ и всякій кисель, и кисель снова сливался за ея спиной въ одну тягучую, аморфную массу. Бритва можетъ рѣзать бумагу, дерево, тѣло, все твердое, все опредѣленное — но киселя разрѣзать бритва не можетъ. Я чувствую, что я тону въ тебѣ, и поэтому ухожу!

— Катя, голубка! Что ты! Опомнись. Ну, побрани меня. Но зачѣмъ же уходить? Развѣ я не любилъ тебя? Не поступалъ, какъ ты хотѣла?

— Молчи!! Знаешь, какъ ты поступалъ? Я хотѣла, чтобы мы поженились — прошло 11 мѣсяцевъ — гдѣ это? Я хотѣла, чтобы мы жили вмѣстѣ — ты согласился — гдѣ это? Пустякъ: мнѣ хотѣлось видѣть тебя въ бархатной курткѣ, — носишь ты ее? Что вышло?! О, ты со всѣмъ соглашался, все съ готовностью обѣщавъ. Но что вышло? Я, женщина съ сильнымъ характеромъ, энергичная, самостоятельная, была жалкой игрушкой въ твоихъ рукахъ! Прочь! Не подходи ко мнѣ!!! Ну?

Онъ протянулъ къ ней руки, но она взглянула на него испепеляющимъ взглядомъ, повернулась и — ушла. Навсегда.

Одну минуту онъ стоялъ ошеломленный. Потомъ потеръ голову, подошелъ къ письменному столу и склонился надъ чистой бумагой.

Долго сидѣлъ такъ. Потомъ пробормоталъ что-то. Неясное, нечленораздѣльное бормотаніе скоро стало принимать форму опредѣленныхъ словъ. И даже рюмо-ванныхъ...

Въ одинъ чудесный день,

Когла ложилаь тѣнь,

Ко мнѣ пробрался кирасиръ.

А потомъ это бормотаніе перешло въ мелодичный свистъ, и Ошмянскій съ головой погрузился въ работу...

Аркадій Аверченко.

З О Л О Т О .

О, крѣпость вѣрная владыки капитала,
Шкаль денежный, несломанный затворъ!
Откроетъ кто тебя, банкиръ или воръ?
Отмычкою, ключомъ или остріемъ кинжала?
Раскрой свою желѣзную утробу
И кровь твоя, — блестящій градъ монетъ,
Пусть потечетъ, чтобы увидѣль свѣтъ
Насиліе и злобу!
О ничего, что деньги липки
Отъ крови, пота, слезъ, —
Ихъ звонъ милѣй, чѣмъ женскія улыбки!...

Ихъ звонъ страшнѣй проклятій и угрозъ!
На берегахъ твоихъ красивѣйшія позы:
Какъ хороша разящая рука!...
И лишь поэтъ, любимецъ чердака,
Твердитъ, забывъ житейскія угрозы:
«Не пахнутъ деньги, благовонны розы!»
Рѣка звенящая, ты многимъ стала Летою,
Помойной ямою другимъ.
Ты землю сдѣлала несчастною кометою,
Наполнивши людей желаніемъ однимъ.

А. Р.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Круговая порука.

Мировая война сочиняет свои курьезы, и самый удивительный из них — это когда дѣдка держится за рѣпку, бабка за дѣдку, внучка за бабу, жучка за внучку, а за жучку держится та же первоначальная рѣпка:

Швейцарцы изготовляют боевые припасы для своих французских сосѣдей. Это ихъ абсолютное право въ границахъ нейтралитета.

Но, чтобы изготовлять что бы то ни было на заводахъ, необходимъ уголь. Швейцарія у себя угля не добываетъ, а у Франціи своего не хватаетъ и для собственныхъ нуждъ.

И топливо для швейцарскихъ фабрикъ поступаетъ изъ нѣмецкихъ копей! Такимъ образомъ, часть снарядовъ, заставившихъ недавно отступить войска кайзера, если и не made in Germany, то, во всякомъ случаѣ, изготовлены изъ нѣмецкаго сырья.

И Германія это допускаетъ? У нея есть на то свои причины. Даромъ она ничего не станетъ дѣлать. Въ обмѣнъ на сырые материалы, которые можно получить только отъ нея, она требуетъ у Швейцаріи французскихъ продуктовъ. („Нов. Вр.“).

Удивительно: Швейцарія — самая гористая страна въ мірѣ, и нигдѣ такія вещи не проходятъ такъ гладко, какъ въ Швейцаріи...

Русскіе витязи.

Освѣдомленный „Кіевлянинъ“ разъясняетъ причину, почему г. Шегловитовъ всталъ во главѣ послѣдняго петроградскаго съѣзда:

„Извѣстно вѣдь, что Шегловитовъ въ бытность министромъ высказывалъ недоумѣніе по вопросу о томъ, изъ-за чего, собственно, мы воюемъ съ Германіей и кому нужна эта война? Его недоумѣніе тогда раздѣлялъ бывший министръ внутреннихъ дѣлъ Махлаковъ. Нынѣ ихъ недоумѣніе, повидимому, совершило дальнѣйшую эволюцію. Но теперь они не одни“...

???

У „Нов. Времени“ широко открыты глаза отъ удивленія: Къ женщинамъ Нѣмцы особенно „внимательны“. Даже такая мелочь въ ихъ туалетѣ, какъ кнопки, ими не забыты, несмотря на войну. Въ Петроградѣ продаются кнопки на отрывныхъ листкахъ, по 1/2 дюжины кнопъ на каждомъ, а на листкѣ надпись:

„Kriegsdrukknopf“
и подъ этимъ, въ лавровомъ вѣнкѣ:
„1914—1915“.

Почему лавровый вѣнокъ?

Очень просто: нѣмецкія кнопки побѣдили русскую купеческую порядочность и за эту побѣду увѣнчаны лаврами.

Дипломатическій шагъ „Сатирикона“.

Мы, Сатириконцы, принимаемъ совершившійся фактъ:

Въ отвѣтъ на вторичное обращеніе собранія народныхъ представителей Юаньшикай новымъ указомъ заявляетъ, что онъ не можетъ противиться волѣ народа, единогласно избравшаго его императоромъ. Отнынѣ Юаньшикай будетъ называться богдыханомъ.

Это можно. Пусть называется.

Въ домѣ повѣшеннаго...

Въ виду того, что въ Германіи нечего ѣсть, нѣмцамъ замазали рты.

Выходъ простой и дешевый:

Во всѣхъ ресторанахъ, кафе и другихъ общественныхъ мѣстахъ Берлина вывѣшены объявленія, воспрещающія разговаривать о войнѣ.

Такъ-съ...

А о мирѣ, значитъ, можно?

Поистинѣ, народъ толкаютъ по линіи наименьшаго сопротивленія.

„Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ...“

Что дѣлаютъ съ русскимъ человекомъ, пожертвовавшимъ на нужды войны 70 рублей?

Его сажаютъ подъ арестъ.

Но, можетъ быть, онъ жертвовалъ на нѣмецкія нужды войны?

Нѣтъ, на русскія.

— Нескладно, зато правда, — какъ говорится въ одномъ гривуазномъ анекдотѣ:

До какихъ нелѣпостей иногда доходитъ формализмъ, о томъ краснорѣчиво говоритъ письмо казака въ „Заб. Нови“:

„Получая деньги изъ управленія 4-го военного отдѣла за поставленные подряднымъ порядкомъ продукты, я рѣшилъ внести свою скромную лепту на нужды войны. Нисколько не задумываясь надъ формальной стороной, я отправилъ 70 р. атаману отдѣла, выразивши свое желаніе о пожертвованіи письмомъ частнаго характера. Каково же было мое удивленіе, когда я узналъ, что лепта моя не принята и я долженъ еще отбыть арестъ. Поставили мнѣ въ вину, что я, какъ казакъ, непосредственно обратился къ атаману отдѣла“.

Дальше казакъ рассказываетъ, какъ онъ въ другой разъ послалъ пожертвованіе самому наказному атаману, и его лепта была принята благосклонно.

Такъ „отдѣлалъ“ атаманъ отдѣла бѣднаго казака. Казалось бы, по теоріи производныхъ словъ, наказной атаманъ долженъ былъ бы наказывать казака; однако, этого не случилось.

Непонятно, а смѣшно.

„Віють вітры...“

„Полтавск. Вѣстн.“ напечаталъ „открытое письмо“ покупателя къ дровянику...

Тутъ и лирика, тутъ и ядъ, тутъ и элегія:

Г. Кругликовъ,

когда же вы доставите мнѣ мои дрова?

Пора, пора, г. Кругликовъ, доставить мнѣ дрова, заказанныя вамъ мною 11 августа с. г. Какъ видите, терпѣніе у меня большое: три съ половиною мѣсяца жду я уже дровъ и какихъ мѣсяца! Холодныхъ, сырыхъ, когда требуется ежедневная топка, а я все жду. Впрочемъ, это было такъ давно, что вы, г. Кругликовъ, вѣроятно, уже и позабыли о томъ, что взяли задатокъ, а дровъ все еще не доставили, но я вамъ напомню.

Холодно, вѣтеръ, зима, а покупатель все ждетъ, ждетъ...

Дуетъ вѣтеръ у воротъ,
У воротъ красotka ждетъ,

какъ поется въ одной пѣснѣ.

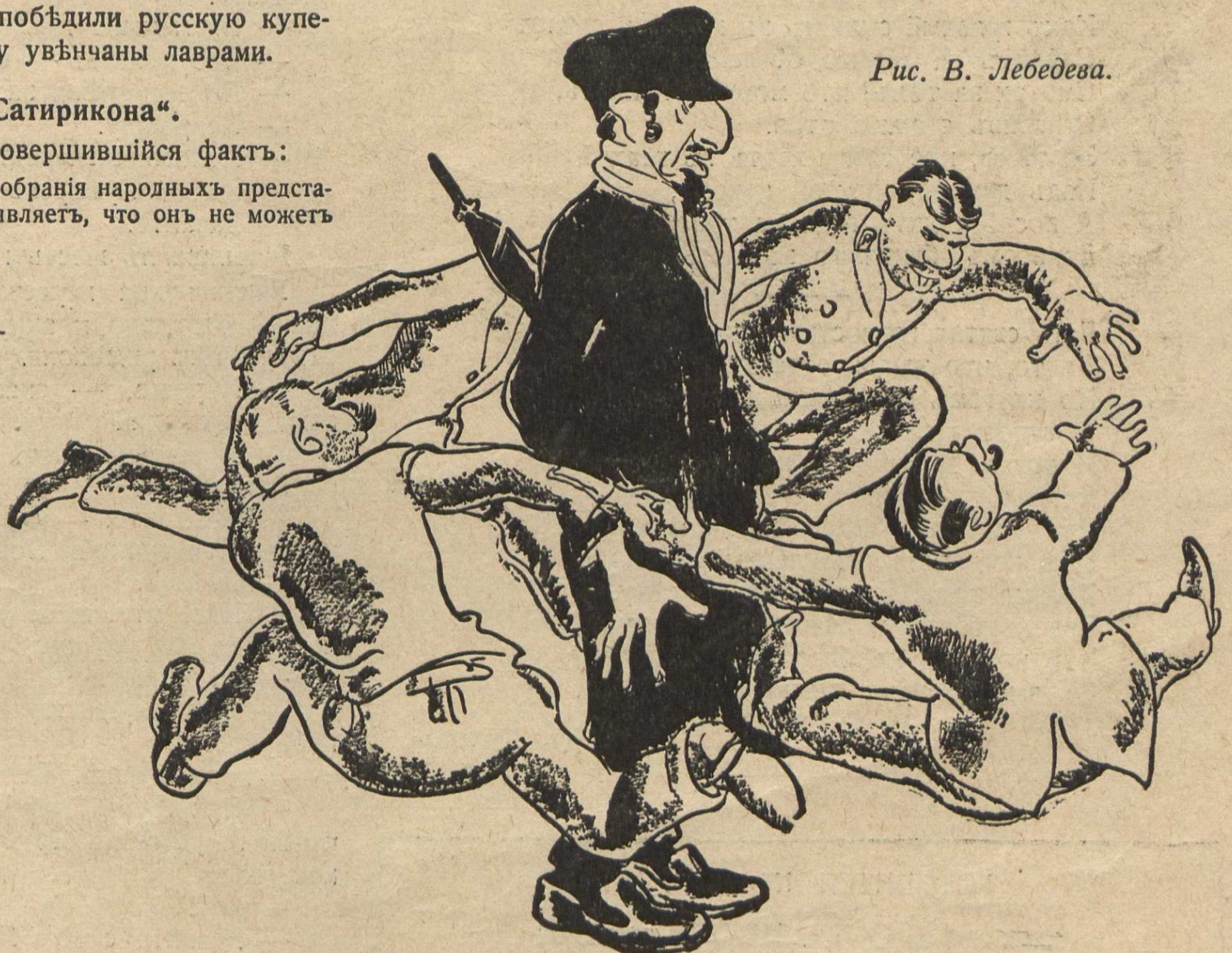
Впрочемъ, если дровяникъ этотъ состоитъ въ числѣ администраціи Юго-Восточн. жел. дор., то его винить нельзя: бѣдняга твердо увѣренъ, что теперь — лѣто:

На Юго-Восточной жел. дорогѣ между станціями Царицынъ и Воропоново, говоритъ „Цар. В.“, дачные поѣзда продолжаютъ курсировать. Ходятъ двѣ пары поѣздовъ въ составѣ паровоза и двухъ вагоновъ совершенно порожнякомъ: ни пассажировъ, ни груза!..

— Ни одинъ дуракъ этимъ поѣздомъ не ѣздитъ, — жалуются очевидцы.

Ну, ужъ будто бы?! Желѣзнодорожное начальство, на вѣрное, ѣздитъ.

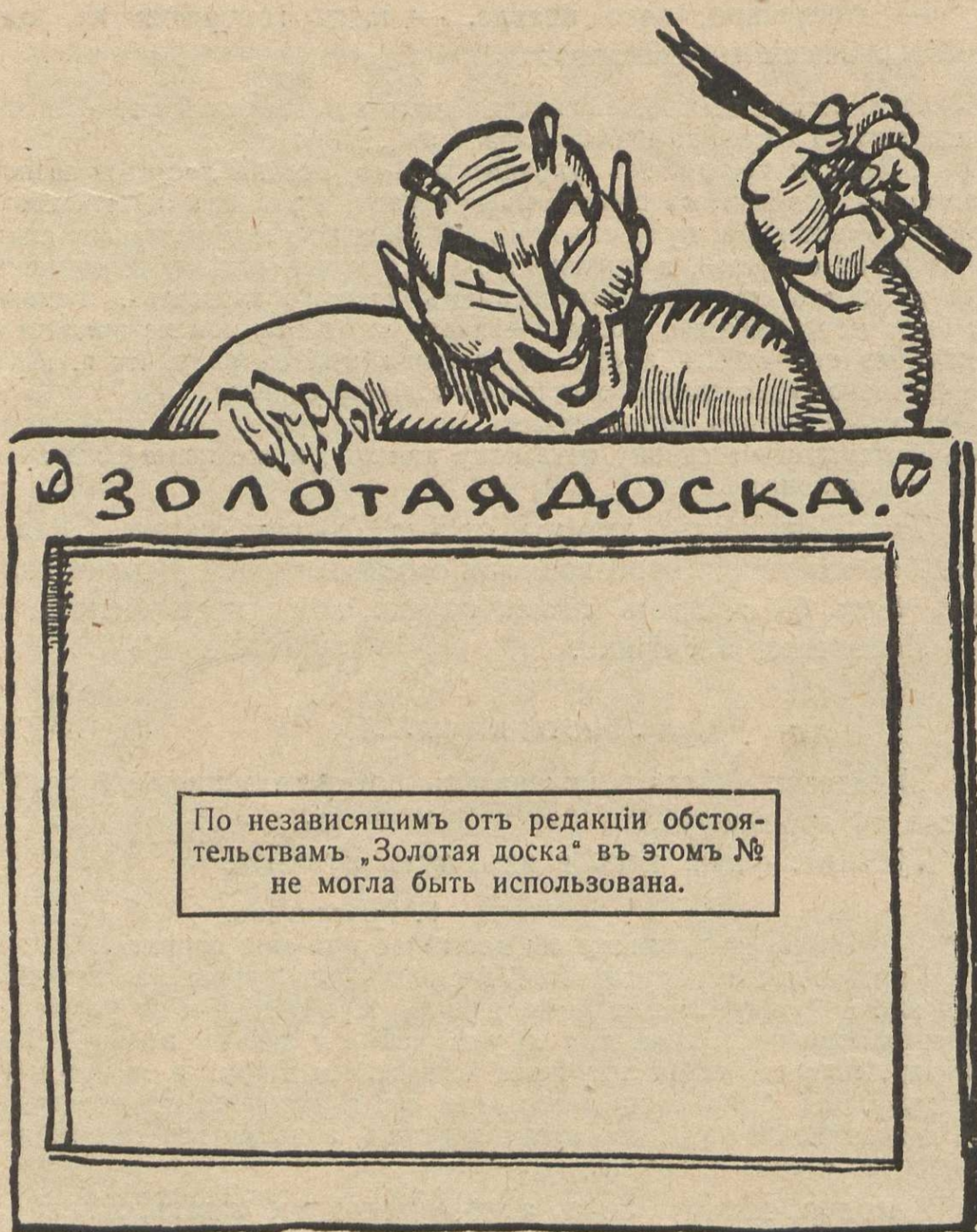
Рис. В. Лебедева.

ОСНОВАТЕЛЬНАЯ НАДЕЖДА.

Еврей: — Слава Богу, черта, наконецъ-таки лопнула!..

Паспортисты: — Лопнула?... Ничего, кормилецъ нашъ, мы живую заплату наложимъ.

МЫСЛИ.

Никогда не узнать человѣка по фразамъ,
По дѣламъ, предрѣшеннымъ недѣлю назадъ...
Нужно просто имѣть раздѣвляющій разомъ
Душу ближняго, острый и пристальный взглядъ.

Есть наивность, что умѣютъ дѣлать — только пошляки.
Въ голубыхъ глазахъ мерзавца пляшутъ злые огоньки.
Есть особая интимность — у картежныхъ шулеровъ
И особенная честность — у непойманныхъ воровъ.

Какъ прязный сыщикъ въ дождь и слякоть
Слѣдить за дверью бѣглеца,
Смотри за тѣмъ, кто можетъ плакать,
Ограбивъ стараго отца.
За тѣмъ, кто слезы льетъ въ театрѣ
Надъ драмой, чуждой самому,
А послѣ садитъ года на три
Доносомъ ближняго въ тюрьму.

Есть святая глупость въ нашей вѣрѣ,
Въ то, что жизнь отдасть и намъ свое.
Но кругомъ не только злые звѣри,
А тупое, гнусное звѣрье.
И когда, доврчивъ, какъ ребенокъ,
Кто-нибудь останется съ людьми, —
Какъ слѣпой, беспомощный котенокъ
Онъ погибнетъ, сдавленный дверьми.
Только тотъ, узнавшій злую сѣчу,
Будетъ бодръ и радостенъ потомъ,
Кто идетъ и къ ближнему навстрѣчу
Съ высоко приподнятымъ хлыстомъ.

Арк. Буховъ.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ
== БОЛЬШОЙ ==
РОЖДЕСТВЕНСКІЙ НОМЕРЪ

Разказы: Л. Андреева, Тэффи, А. Аверченко, В. Азова,
А. Бухова и др.

УЧИТЕЛЬНИЦА МУЗЫКИ.

«Милостивая государыня! Имѣю честь извѣстить васъ, что ваше объявленіе въ «Копѣйкѣ» я прочиталъ и спѣшу откликнуться на него. Въ наслѣдство отъ дѣдушки мнѣ достался органъ. Былъ бы очень благодаренъ вамъ, если бы вы дали мнѣ нѣсколько уроковъ на этомъ инструментѣ. Искренне уважающій васъ Іаковъ Пузыревъ».

Нѣсколько разъ перечиталъ я эту открытку и остался въ восхищеніи какъ отъ слога, изящества изложенія, такъ и отъ абсолютнаго отсутствія грамматическихъ ошибокъ въ ней.

Приклеилъ марку, отнесъ письмо на почту и весь отдался томительному ожиданію.

Ждалъ три дня и три ночи.

На четвертое утро пришла она...

— Милостивый государь! — строго сказала она.

Я протянулъ руку.

— Іаковъ Симеоновичъ Пузыревъ, домовладѣлецъ.

Не отвѣчая на мое вѣжливое привѣтствіе, она смѣрила меня холоднымъ взглядомъ и спросила:

— Эту открытку писали вы?

Гляжу: моя открытка.

— Oui, madmaselle.

— Это что? Шутка? Насмѣшка?

Ноздри моей гостыи раздувались, глаза горѣли...

— Madmaselle, — сказалъ я, — письмовникъ, которымъ я пользовался при составленіи этой открытки, гласитъ, что подобное письмо есть пригласительное, но отнюдь не насмѣшливое или шутовское.

Учительница музыки долго смотрѣла на мое лицо. Любопытствовала ли она имъ, или, можетъ быть, подмѣтила въ немъ что-то близкое, родственное, — не знаю, но только послѣ долгаго осмотра она сказала:

— Вы хотите выучиться играть на шарманкѣ?

Я мысленно развернулъ «Книгу хорошаго тона» на страницѣ «Среди гостей» и сказалъ:

— Oui, madmaselle, je vous aime.

— Что?

— Я полагаю, — обидѣлся я, — въ моихъ словахъ нѣтъ ничего, кромѣ комплимента.

Снова посмотрѣла она на меня...

— Выучиться играть на шарманкѣ очень трудно, — отрывисто сказала она.

— Терпѣніе и трудъ все перетрутъ, — отвѣтилъ я голосомъ, полнымъ покорности судьбѣ и посылаемымъ ею невзгодамъ.

— Не меньше двадцати уроковъ.

— Что дѣлать, — еще покорнѣе отвѣтилъ я.

— По три рубля за урокъ.

— Не ропщу.

— Половина впередъ.

— Іаковъ Пузыревъ въ состояніи уплатить все сразу.

— Давайте.

Я выложилъ шесть красныхъ бумажекъ.

Учительница пересчитала деньги, свернула каждую бумажку отдѣльно и аккуратно размѣстила ихъ по разнымъ отдѣленіямъ ридикюля.

— Хорошо, — сказала она, — начнемъ урокъ. Гдѣ ваша шарманка?

— Я попрошу васъ въ мой кабинетъ.

Вошли.

— Смотрите, — сказала учительница, — вотъ эта вещь называется ручкой. Повторите.

— Ручкой.

— Надо отвѣчать: «ручка». Вотъ это — скатерть. Она положена для украшенія. Ясно?

— О! Конечно.

— Ручка существуетъ для того, чтобы ее вертѣть. Попробуйте.

Я попробовалъ. Вертится.

— Искусство игры на шарманкѣ заключается въ томъ, чтобы не уставать вертѣть эту ручку. У васъ есть сегодняшняя газета?

— Есть.

— Давайте сюда. Я буду читать газету, а вы вертите ручку.

Скажу откровенно: я добросовѣстно вертѣлъ ручку ровно часъ.

— Хорошо, — сказала учительница, — на сегодня довольно. Упражняйтесь безъ меня.

На другой день она сказала:
играть первый номеръ вашей шарманки. Смотрите, вотъ
— Вы подаете большія надежды, и поэтому я научу васъ
здѣсь помѣщенъ... ну... рычажокъ, что ли... Попробуйте повернуть его. Хорошо. Теперь вертите ручку.

Повѣрите ли вы?

Я заигралъ! Заигралъ «Камаринскаго». Какъ это на меня нашло играть именно «Камаринскаго», а не что иное, я не знаю, но мое музыкальное вдохновеніе подсказало мнѣ начать съ этой вещи...

Я игралъ «Камаринскаго» ровно часъ. Передъ уходомъ учительница немного смутилась...

— У меня къ вамъ просьба, — сказала она: — нѣсколько студентовъ, услышавъ отъ меня о вашихъ урокахъ, сочли бы за счастье завтра прійти къ вамъ со мною и... послушать вашу игру.

Ого! Не ждалъ! Не ждалъ!

Я разсыпался въ комплиментахъ учительницѣ и сказалъ, что день визита красы и гордости отечества будетъ моимъ именованнымъ днемъ.

Ихъ пришло десять человѣкъ.

Долго спрашивали меня: неужели я весь день вертѣлъ ручку? неужели я уже играю камаря? неужели я умѣю двигать рычажокъ? неужели... Ей-Богу, не запомню всѣхъ «неужели»...

Я былъ на седьмомъ небѣ!

Меня просили сыграть камаря правой рукой — я сыгралъ. Попросили сыграть лѣвой. Испугался, — вдругъ не выйдеть... Вышло и лѣвой.

Мои гости переглядывались, ахали, кряхтѣли, — словомъ, всѣми возможными способами выражали искреннее удивленіе.

Потомъ одинъ студентъ попросилъ:

— Позвольте, я сбѣгаю домой за фотографическимъ аппаратомъ. Я хочу снять васъ.

Могъ ли я отказать?

Меня сняли подлѣ шарманки. Я стою во весь ростъ, одна рука покоится на шарманкѣ, другая держитъ цвѣтокъ...

Потомъ студенты измѣрили мой черепъ.

— Зачѣмъ? — спросилъ я.

Оказывается, такъ принято. Человѣкъ съ выдающимися способностями непременно долженъ имѣть особенную голову...

Когда ушли мои юные друзья, я едва не заплакалъ отъ захватившихъ всего меня переживаній...

Скоро ученіе пойдетъ къ концу. Я уже играю четыре пьесы...

Скажу вамъ по секрету:

Былъ вчера въ городѣ, купилъ хорошенькій кулончикъ. Поднесу своей учительницѣ, какъ знакъ глубочайшей признательности...

О искусство! Какъ можно тебя не любить!

Евграфъ Дольскій.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Музыкальный критикъ Викторъ Коломійцевъ мечеть громы и молніи на «Синій Журналъ», написавшій, что какой-то музыкальный критикъ К. беретъ взятки:

„Я категорически требую отъ „Синяго Журнала“, чтобы онъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ своихъ, съ полной определенностью указалъ, кого именно онъ подразумеваетъ подъ буквою „К.“: это онъ обязанъ сдѣлать, ибо этого требуетъ самая элементарная литературная этика!

Въ противномъ случаѣ несмыслимымъ позоромъ покроетъ себя сама редація этого журнала!

Чудаки! Чѣмъ напугать вздумалъ!

Въ «Таганрогск. Вѣстникѣ» таинственный Ка-Де-Че, описывая концертъ Эрденко и какого-то Турчинскаго (названнаго въ рецензіи «знаменитымъ»), совсѣмъ захлебнулся въ морѣ восторга и написалъ нѣчто совсѣмъ невразумительное:

„Артистъ оправдалъ довѣріе и своимъ блестящимъ исполненіемъ вызвалъ безконечную бурю апплодисментовъ (это былъ какой-то крикъ и стуки безнадежныхъ) (!) ... въ залъ раздался страшный взрывъ апплодисментовъ... стѣны дрогнули и поднялся невыразимый шумъ. Стулья загрохотали, толпа двинулась къ сценѣ и поднялся какой-то нечеловѣческой ураганный гулъ. Неистово били въ ладоши, въ стулья, въ барьеръ и издавалось безумное гиканье.“

Что же это, Господи?! Горцы это джигитуютъ въ неприступныхъ горахъ, или на родинѣ Чехова второстепенныхъ концертантовъ слушаютъ?...

Впрочемъ, самъ рецензентъ опредѣляетъ гиканье, какъ „оргію восторговъ“.

„Артистъ игралъ такъ, какъ могутъ только играть избранные и отмѣченные Богомъ таланты.

И въ такомъ маленькомъ человѣчкѣ — а сколько души и мощи.“

При чемъ тутъ вѣроисповѣданіе?

„Когда артистъ исполнилъ Баха — „Sicilienne“, публика пришла въ такую ярость (!), что можно было опасаться за цѣлость артиста.“

Это немного неожиданно...

„Артистъ съ такимъ настроеніемъ исполнялъ произведеніе Баха, что струны скрипки положительно рыдали, а публика стояла и съ глазами, полными слезъ, готова была крикнуть:

— Остановись! Нѣтъ силъ держаться (!), нервы напряжены до высшаго предѣла.

А артистъ все выше и выше поднимался надъ толпою.“

Обратите вниманіе: рецензентъ тоже начинается на букву „к“, а вѣдь написано совершенно безкорыстно.

Потому — провинція..

ДОМЪ ОБЩЕЖИТІЯ.

Название улицы я забылъ уже,
Но помню домъ, помню, по крайней мѣрѣ,
Длинные коридоры въ каждомъ этажѣ,
И одна за другой — все двери и двери.

Опрятная бѣдность въ этомъ домѣ живетъ,
Читаютъ романы «родинскіе» между дѣломъ,
Имѣютъ къ вечернему чаю медъ,
По субботамъ кофейники чистятъ мѣломъ.

Кофе по воскресеньямъ со сливками пьютъ,
Удивительный напитокъ — скромнень и весель.
Въ комнатахъ всюду хранится убогій уютъ
Продавленныхъ дивановъ и безногихъ кресель.

Жильцы на общей кухнѣ готовятъ обѣдъ,
Изъ-за мѣста на плитѣ заводятъ ругань,
Живутъ по десять, по пятнадцать лѣтъ,
Все до тонкости знаютъ другъ про друга.

На площадкахъ и лѣстницахъ бѣгаетъ дѣтвора,
На теплыхъ подоконникахъ ютятся тѣсно...
Ахъ, какъ скучно вечеромъ, когда спать пора,
Когда играть — особенно интересно!

Когда выдумки дѣтской брызжетъ потокъ,
Выходитъ прислуга, идетъ по коридорамъ,
Звонить и кричить: «Кипятко! Кипятко!» —
Значить, десять часовъ, и время по норамъ.

По чашкѣ чаю — и въ кровати спать,
Подъ говоръ тихій, подъ ворчливую ласку,
Развѣ полчаса еще почитаетъ мать
На сонъ грядущій страшную сказку.

А изъ Щувалова привозитъ на Варваринъ день
Черемуху горбатая, бѣдная Оля...
Такое множество, что хоть города плетень
Вокругъ всего... ну, хотя бы Марсова поля.

Вѣтки черемухи покупаются нарасхватъ,
Горбатая Оля зарабатываетъ на Святки:
Судьбу испытать каждый, конечно, радъ,
А бѣдняки къ этому особенно падки.

Загадай, задумай! Вѣдь у каждого есть
Желаній завѣтныхъ такъ много-много...
Къ Рождеству, въ водѣ, черемуха должна расцвѣсть;
Расцвѣтеть — значитъ, благодари Бога.

Черемуха! Сколько надеждъ я вѣрилъ ей!
Какъ ждалъ, какъ волновался всегда при этомъ!
Какъ, дѣйствительно, по прошествіи двадцати дней,
Наша черемуха распускалась блѣднымъ цвѣтомъ.

Какъ рады мы были — я и мать,
Какъ жалѣли тѣхъ, у кого не расцвѣли вѣтки...
Вѣдь намъ оставалось только ждать,
Ждать счастья на зависть нашей сосѣдкѣ.

Хотя, правда, ничего не случилось — нѣтъ!
Жили и дальше, какъ прежде жили...
Но такъ былъ пышенъ черемухи цвѣтъ,
Что до новой Варвары мы въ ожиданьяхъ были.

А черемуха не обманывала — ни-ни-ни!
Испытывать судьбу она — вѣрное средство...
Были счастьемъ великимъ тѣ далекіе дни,
Ахъ, мое прекрасное, ахъ, голубое дѣтство!...

Валентинъ Горянскій.

ВЕЩИ ОДНОГО ПОРЯДКА.

Новая горничная: — Барыня! я забыла, чего вы просили налить въ ванную: одеколонъ или политуру?..

Открыта подписка на 1916 годъ

4-й годъ на еженедельный журналъ САТИРЫ И ЮМОРА 4-й годъ
изданія изданія

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:
52 номера богато иллюстрированного красочными рисунками и карикатурами журнала большого формата.
Рисунки и текстъ лучшихъ русскихъ художниковъ и писателей.

3 КРОМѢ ТОГО, ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ: **3**
БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМИИ: **3**
Одну обильно иллюстрированную книгу:

Десять лѣтъ русской конституции. Въ звучныхъ, меткихъ, какъ ударъ толедской шпаги, стихахъ будетъ отражено все большое и маленькое, смѣшное и печальное, все бѣлое и черное, что произошло за эти удивительные 10 лѣтъ.

„Вѣстникъ Знанія Нового Сатирикона“. Если когда-нибудь существовало сомнѣнiе въ томъ, что Сатириконцы заботились о своихъ читателейъ, какъ пеликаны о своихъ дѣтяхъ, то теперь эти недостойныя сомнѣнiя должны съ грохотомъ пасть. Сатириконцы отрываютъ лучшiе куски души своей и отдаютъ ихъ читателямъ: нате, кушайте! Расширенiе умственного и научнаго кругозора нашихъ читателейъ есть первѣйшая забота руководителей журнала. Поэтому вниманiю читателейъ предлагаются:

- 3** первыхъ выпуска „Вѣстника Знанія Нового Сатирикона“:
1. ХРЕСТОМАТІЯ ГАЛАХОВА, примѣнительно къ взрослымъ.
 2. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ. (Смѣшно, если бы мы остановились передъ грандіозностью задачи. Нужно — значить нужно. И нечего тамъ разговаривать.)
 3. СПИРИТИЗМЪ И ОККУЛЬТНЫЯ НАУКИ. (Даже объ этомъ мы подумали.)

Театръ и все остальное. Альбомъ шаржей. Работа извѣстнаго художника РЕ-МИ (Н. Ремизова). Артисты. Критики. Рецензенты. Драматурги и проч.

NB. Незнакомыхъ или невѣстныхъ лицъ въ этомъ альбомѣ не будетъ... Если даже кто-нибудь изъ такихъ и попадетъ случайно въ альбомъ, то пребыванiе такого лица въ этомъ альбомѣ уже сдѣлаетъ его извѣстнымъ, чѣмъ заданiе и будетъ выполнено.

Журналъ „Новый Сатириконъ“ будетъ выходить при слѣдующемъ составѣ сотрудниковъ.

ХУДОЖНИКИ: Б. Анисфельдъ, Н. Альтманъ, Л. Бакстъ, Александръ Бенуа, Н. Билибинъ, Н. Герардовъ, Гранди, Григорьевъ, М. Добужинскій, М. И. Ивашинцева, Б. Кустодиевъ, Кузнецовъ, В. Лебедевъ, Миссъ, Дм. Митрохинъ, А. Радаковъ, Н. Ремизовъ (Ре-ми), Н. Радловъ, А. Спасскій, Судейкинъ, С. Чехонинъ, О. Шарлеманъ, А. Юнгертъ (Баянъ), А. Яковлевъ и др.

ПИСАТЕЛИ: Леонидъ Андреевъ, А. Аверченко, В. Азовъ, А. Антиповъ (А. Зарницынъ), Ал. Будищевъ, А. Буховъ, Л. М. Василевскій, Вл. Винкертъ, Ал. Вознесенскій, Евг. Вѣнскій, А. С. Гринъ, И. Гуревичъ, Вал. Горянский, Осипъ Дымовъ, Е. Дольскій, Е. Зозуля, А. Измайловъ, А. П. Каменскій, В. В. Князевъ, Красный, А. И. Купринъ, Г. Ландау, В. Маяковскій, К. Милль (Полярный), Сергій Михѣевъ, Мандельштамъ, Моравская, О. Л. Д'Орль, Иванъ Куз. Прутковъ, П. Потемкинъ, М. Я. Пустынинъ, А. Радаковъ, Борисъ Садовскій, гр. Алексѣй Толстой, Тэффи, Н. Топузъ, В. Черный, Георгій Чулковъ и др.

Подписная цѣна безъ доставки 6 р. 80 к., съ доставкой и пересылкой:

Въ Россіи: на годъ 8 р., на 1/2 года 4 р., на 3 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 70 коп.

3-я граница: на годъ 12 р., на 1/2 года 6 р., на 3 мѣс. 3 р., на мѣс. 1 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., къ 1 мая 2 р., къ 1 июля и 1 сент. по 1 р. 50 к. ДЛЯ БОЛЛЕЖИВНЫХЪ подписокъ устанавливается особая льготная разсрочка, а именно: при подпискѣ 2 р. и ежомѣс. каждое число по 50 к. Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невск. пр., 83 Тел. 59-07. Редакторъ: Аркадій Аверченко. Издатель: Т-во „Нов. Сатириконъ“.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о подпискѣ на нашъ журналъ, мы, тѣмъ не менѣе, считаемъ своей обязанностью привести полученное нами изъ г. Ахтырки, Харьк. губ., письмо, подписанное неизвѣстной намъ Агней Чуносовой...

... Этотъ Калякинъ былъ душой общества всей Ахтырки.

торая (это Калякинъ) могла оживить общество своими экспромптами, стихами и рассказами...

Но вотъ, наконецъ, и онъ!

Всѣ бросились къ нему:

— Евграфъ Семенычъ! Расскажите что-нибудь! Прочтите стихотвореніе! Ну, что-нибудь!

Онъ опустился въ кресло и вдругъ, обведя всѣхъ мутнымъ взглядомъ, хрипло сказалъ:

— Ну, что тамъ я вамъ буду рассказывать!

— О Боже мой! — воскликнули мы всѣ разомъ, — что-нибудь. Какой-нибудь рассказъ.

Евграфъ Семенычъ схватился за голову, сжалъ ее судорожно руками и съ легкимъ стономъ сказалъ:

— Хотите, расскажу, какъ дѣлается халва? Сегодня въ календарѣ прочелъ.

— Нѣтъ, это неинтересно, — раздались голоса. — Ну, стихотвореніе тогда скажите!

— Стихотвореніе? Ну, ладно:

„Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда“...

— Не надо! Знаемъ! Старо!

— Ну, тогда другое:

„Ямщикъ сидитъ на облучкѣ“...

— Старо!

— „Ему и больно, и смѣшно“...

Раздался всеобщій возмущенный крикъ, въ воздухѣ замелькали кулаки. Еще минута — и все окончилось бы судомъ Линча.

Но вдругъ Калякинъ упалъ на колѣни и, охвативъ голову руками, судорожно зарыдалъ.

Вотъ что пишетъ Агнія Чуносова:

„Милостивые Государи!

Вы все знаете, вашъ журналъ на все можетъ дать отвѣтъ. Объясните же загадочное происшествіе, случившееся съ нашимъ общимъ знакомымъ, Евграфомъ Семенычемъ Калякинымъ... Этотъ Калякинъ былъ душой общества всей Ахтырки. Его буквально носили на рукахъ. Остроумный, веселый, ей-Богу. Никто лучше его не могъ изложить какую-нибудь политическую новость, сымпровизировать забавную исторію или прочесть звучные, красивые стихи.

Такъ продолжалось долго, такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ и, увы, все это окончилось перваго іюля текущаго года... Намъ всѣмъ это ужасное число глубоко врѣзалось въ память.

Была устроена у Ивана Памфиловича большая вечеринка, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали ту душу общества, ко-

— Ну, что тамъ я вамъ буду рассказывать!

Вотъ и все. Причины этого тяжелого случая мы выяснить не могли, но съ тѣхъ поръ Калякинъ сталъ тихъ, молчаливъ и отвѣчалъ только односложно и то на прямо поставленные вопросы.

Не объясните ли вы, въ чемъ тутъ тайна?..

Ваша Агнія Чуносова“.

Мы счастливы, что запросъ г-жи Чуносовой попалъ какъ разъ по адресу, и съ удовольствіемъ объясняемъ тайну, такую, казалось бы, непонятную и загадочную.

Дѣло вотъ въ чемъ: то, что вы сообщаете, случилось съ Калякинымъ перваго іюля текущаго года. По справкамъ же конторы „Сатирикона“ выяснилось, что Калякинъ, Е. С., состоялъ подписчикомъ „Сатирикона“, но такъ какъ онъ подписался только на 1-е полугодіе, то 1-го іюля высылка журнала ему была прекращена.

* * *

Мы не дѣлаемъ изъ этой правдивой исторіи никакихъ выводовъ. Пусть ихъ сдѣлаетъ жизнь, странное загадочное лицо которой пытливымъ человѣкъ увидитъ во всемъ.

Издательство.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятія рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Я. Л-скому. М. Л-ману. В. Итину. Хмурому. А. Колючему. С. Баранкову. А. Морандо. У. С. Ксунь. — Не будетъ напечатано.

Ли-Чу-Ну. Какой отрывной календарь служилъ вамъ музой?

— Поддержите меня ослабѣлаго, — просилъ одинъ пьяный.

— Поддержите этого бѣлаго осла, — сказалъ его товарищъ.

А редакція, со своей стороны, никого не хочетъ поддерживать, печатая старые краденные анекдоты.

Милому другу. — „Каждое мое стихотвореніе не больше четырехъ строкъ. Но въ немъ есть смыслъ“

„О, милая, скажи мнѣ ты,

Какіе любишь ты цвѣты?

Съ улыбкой отвѣчаешь ты:

„Такіе, что совсѣмъ просты“.

Жаль, что вы съ этой дамой не на „вы“. Тогда не появились бы на свѣтъ эти жалкіе стишонки.

Б. Москва.

М. Ф-теру. Михаэлису. А. Митискому. Овтинусу. Не подошло.

В. Провинція.

Кіевъ. Старому поэту. — „Съ „Сатирикономъ“ меня связываютъ какія-то невидимыя нити“...

Ну, и глазъ же у васъ!

Рассказъ плохъ.

Поклонниця изъ Пскова. — Она встревоженно спрашиваетъ: „Что такое съ Аркадіемъ Аверченко? Чѣмъ онъ боленъ?“

Сударыня! Ему уже лучше. Но изъ того, что онъ попалъ въ гинекологическую клинику Герзони, вы можете заключить, какую рѣдкую и опасную болѣзнь пришлось перенести этому страдальцу.

Елецъ. Я. Я. К. Перово Людмилъ М-ой. Екатеринбургъ. Одинокому. Кременчугъ. Т. Спчной. Ст. Борисово. Е. Терзакину. Баку. Юрію Ф. Все присланное не подошло.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бывають артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Комфортабельные
кабинеты.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

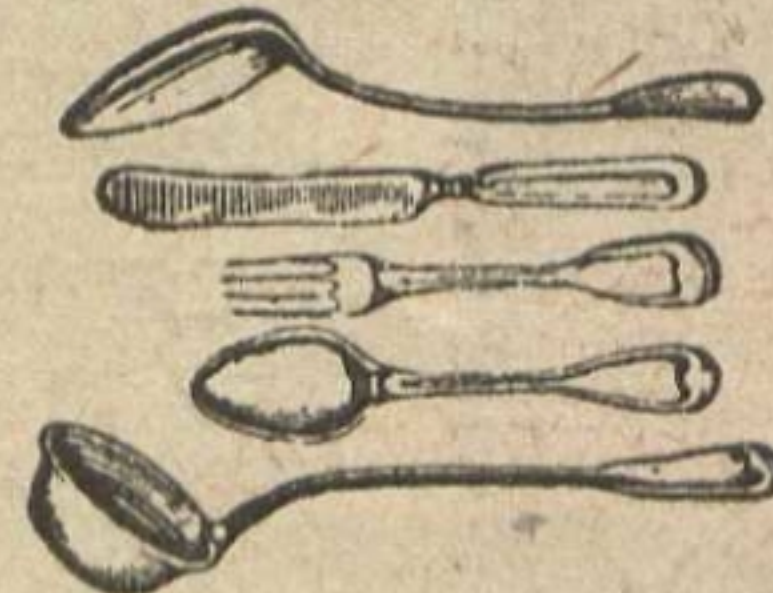
Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

Невскій, 83.
Петроградъ.

„НИКОЛАЙ ЛИНДЕНЪ“

По крайне удешевленнымъ цѣнамъ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
НОВАЯ КНИГА:

Аркадій Аверченко.

„О МАЛЕНЬКИХЪ — ДЛЯ БОЛЬШИХЪ“.

Рассказы о дѣтяхъ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
НОВАЯ КНИГА:

Тэффи.

„Неживой звѣрь“.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

При этомъ номерѣ всѣмъ гг. подписчикамъ городскимъ, иногороднимъ и для розничной продажи разсылаются каталогъ издательства П. П. Сойкина. Лицъ, не получившихъ почему-либо каталога, просятъ обращаться по адресу издательства: Петроградъ, Стремянная, 12.

1916 г.
11-ый годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ, ЕДИНСТВЕННЫЙ въ РОССІИ
Художественно-Литературный и научный журналъ
съ роскошными картинами въ краскахъ,
орнаментами, тисненіемъ и стильными украшеніями

ПРОБУЖДЕНІЕ

□□□ При каждомъ № приложеніи книгъ. □□□
Ежемесячно цѣнныя художественныя преміи.
— Громадная галлерей картинъ въ краскахъ. —
ПОДПИСАВШИЕСЯ НА 1916 ГОДЪ ПОЛУЧАТЬ:

24 ВЫПУСКА ЖУРНАЛА по образцу рѣдкихъ въ Европѣ многокрасочныхъ художественныхъ изданій.	50 КАРТИНЪ: въ краскахъ, автотипіи, фототипіи, «олеографии и др.»
24 КНИГИ: романы извѣстн. русскихъ писателей 24	
12 роскошныхъ декоративныхъ премій:	
ВЫСОКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ Альбомъ картинъ-Пано въ краскахъ, въ великолѣпной папкѣ.	ИЗЯЩНЫЙ БЛОКЪ-НОТЪ для кабинета, крытый атласомъ, съ барельефомъ Гр. Л. Н. Толстого
КРАСИВЫЙ БОЛЬШОЙ БЮВАРЪ для письменнаго стола съ ОРНАМЕНТАМИ на изящныхъ крышкахъ.	АЛЬБОМЪ для ГОСТИНОЙ , для стихотвореній и автографовъ знакомыхъ, съ многокрасочными украшеніями, въ неподражаемой по красотѣ папкѣ.
для ПОРТРЕТОВЪ ФОТОГРАФІЙ роскошный семейный альбомъ, украшенный рельефными гирляндами глициній, акаціи, на лакированномъ подъ черное дерево переплетѣ.	ЧЕТЫРЕ СТѢННЫХЪ КАРТИНЫ въ ЗОЛОТЫХЪ БАГЕТНЫХЪ РАМАХЪ изъ папье-маше. Первая модели превосходнѣйшей имитации багетныхъ рамъ.

2 ДВА БОЛЬШИХЪ ЛѢСНЫХЪ ПЕЙЗАЖА, **2**
чарующихъ дивной гармоніей красокъ.
1. Утро въ лѣсу. 2. Лѣсныя сумерки.
Популярн. художника А. КАУФМАНА. Размѣръ картинъ 73x31 сантим.

НЕБЫВАЛАЯ въ РОССІИ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМІЯ:
РОСКОШНАЯ СТѢННАЯ КАРТИНА на ХОЛСТѢ,
воспроизведенная масляными красками, полная поэзія,
Первыя Грозды Сирени.
Извѣстн. художн. ГАРТВИГА. ◀▶ Размѣръ картины 52x35 сантим.
Работы поставщ. Дв. Его Императорскаго Велич. Р. Голике и А. Вильборгъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ **10** руб.; на полгода **5** руб.;
Разсрочка платежа: При подпискѣ **3** руб., въ мартѣ **2** руб.,
въ іюнѣ **3** руб., въ сентябрѣ **2** руб.
Пробный № высылается за **40** коп. почт. марками.
Редакція журнала „Пробужденіе“, ПЕТРОГРАДЪ,
Суворовскій пр., собств. домъ, 41.
Редакторъ-Издатель **Н. В. КОРЕЦКІЙ.**

НИВА еженедѣльный иллюстрированный журналъ. **1916 г.**
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ:

52 № журнала: повѣсти, разск., картины, рис. въ краск., иллюстраціи съ театра военн. дѣйствій.	52 КНИГИ, отпечатанныя четкимъ шрифтомъ, въ которыя войдетъ:
12 КНИГЪ ЕЖЕМЕСЯЧН. ЖУРНАЛА „ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“.	
40 КНИГЪ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:	
ВТОРУЮ СЕРІЮ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА.	
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Н. Г. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКАГО.	
= НОВЫЯ = А. П. ЧЕХОВА. ПОСМЕРТНЫЯ СОЧИНЕНІЯ	
Романъ Шарля ДЕ-КОСТЭРА: „БИБЛІЯ БЕЛЬГІИ“ („Уленспигель“).	
2 Новыя спец. карты театра воен. дѣйствій двухъ фронтовъ: западнаго (русскаго) и западно-европ., подъ ред. проф. Ю. М. Шокальского.	12 ЛИСТОВЪ выкроекъ и рисунк. рукодѣльн. работъ.
12 №№ „Ежемесячныхъ НОВѢЙШИХЪ МОДЪ “.	12 ЛИСТОВЪ выкроекъ и рисунк. рукодѣльн. работъ.
1 „ОТРЫВНОЙ ЕЖЕМЕС. КАЛЕНДАРЬ“ на 1916 г.	

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всеміи приложеніями на годъ:
въ Петроградѣ: Безъ доставки **8** р. 50 к. Съ перес. по **10** р. Доускается разсрочка.
Съ доставкой **9** р. 50 к. всей Россіи. **10** р. Новые подписчики, желающіе получить первую серію (18 кн.) Мамина-Сибиряка, доплачиваютъ **3** р. 50 к., съ перес. въ Европ. Россіи.
Адресъ: въ Контору журнала „НИВА“, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Открыта подписка на 1916 г. — 3-й годъ изданія.
Большинство №№ за 1914 и 1915 гг. распроданы, хотя выходили нѣсколькими изданіями.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

ЖУРНАЛЪ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ.

Журналъ отводитъ главное мѣсто свѣтской жизни въ Россіи, спорту, охотѣ, туризму, выставкамъ, театру, коллекціонерству, музыкѣ, искусству вообще и особенно жизни русской усадьбы въ прошломъ и настоящемъ.

Двухнедельный роскошный журналъ, совершенно новаго въ Россіи типа, по образцу английскихъ.

Редакція — Каменный остр., 31, соб. вилла.
Контора — Невскій, д. Зингера, контора 10.
Вслѣдствіе увеличенія цѣны на мѣловую бумагу съ 28 руб. до 106 руб. за стопу, подписная цѣна на журналъ, къ сожалѣнію, повышается на 2 руб. (только на время войны).

Годовая подписка — 13.50 въ Петроградѣ и 14.50 — вездѣ въ Россіи. Отд. № 85 коп. Для ознакомленія одинъ № высылается за 30 коп. марками.

Редакторъ **Вл. Крымовъ.**

1916 г.

ЧУДНЫЙ, ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ ДѢТЯМЪ!

Открыта подписка на 1916 г. на единственный въ Россіи Роскошный художественный журналъ для дѣтей **ИЗБРАННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ДѢТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,** съ **ВЕЛИКОЛѢПНЫМИ КАРТИНАМИ въ КРАСКАХЪ**

ЖАВОРОНОКЪ

съ приложеніемъ **60-ти КНИЖЕКЪ**, необходимыхъ для дѣтей. участвующихъ **выдающіеся РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.**
IV-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЕЖЕМЕСЯЧНО ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ:

Дѣтскія книжки, игры, развлечения, занятія, картины для раскрашиванія, ноты, вырѣзныя модели для склеиванія игрушекъ, научныхъ пособій, украшеній для елки и друг.

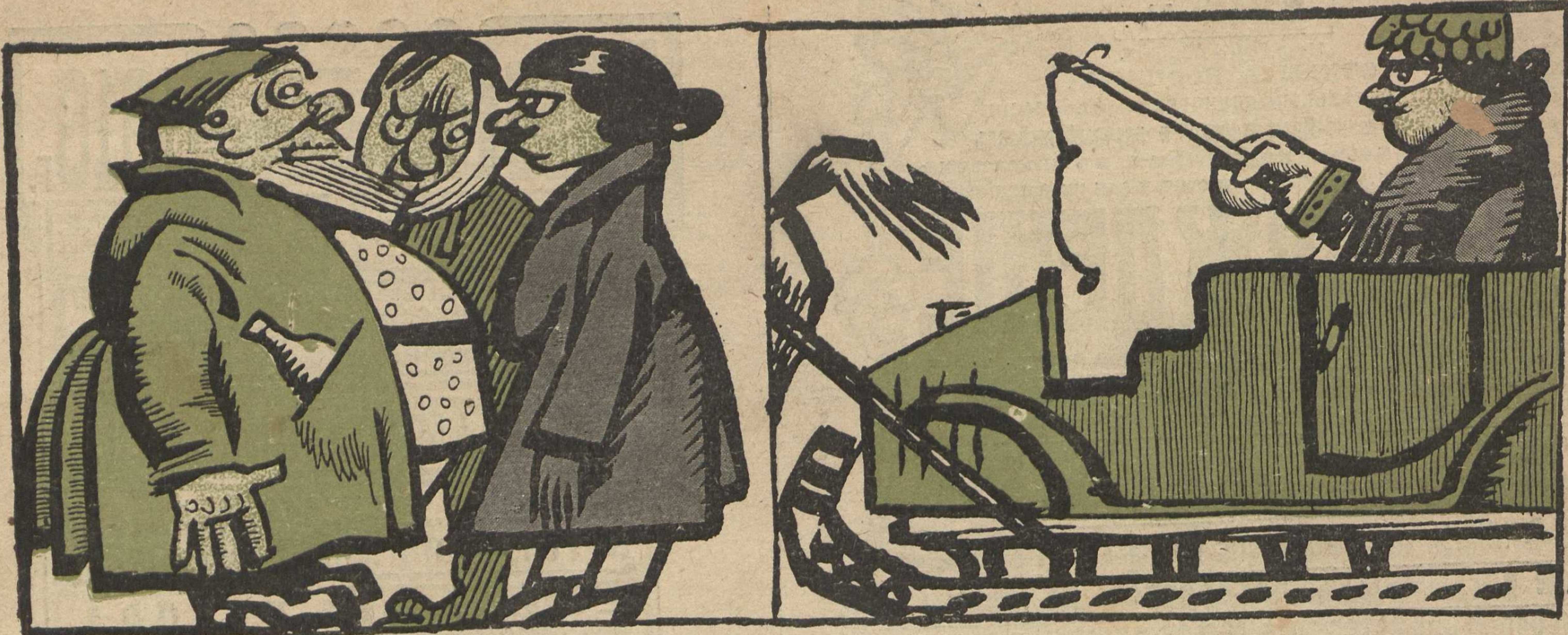
Подписавшіеся на 1916 г. получаютъ, ежемесячно 1-го числа:

12 РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИР. ВЫПУСКОВЪ Литературнаго и Научнаго журнала для дѣтей, въ изящныхъ обложкахъ съ картинами въ краскахъ.	12 ПОДАРКОВЪ ДѢТЯМЪ: картины, модели для вырѣзыванія и склеиванія, рисунки для раскрашиванія, ноты и др.
---	---

60 книжекъ энциклопедическаго словаря **600**
ЗНАМЕНІТЫЕ ЛЮДИ МІРА
въ портретахъ и характеристикахъ портретовъ
ШЕСТЬСОТЪ ПОРТРЕТОВЪ и краткихъ очерковъ для ознакомленія дѣтей:
Поэтовъ, Художниковъ, Окулпторовъ, Ученыхъ, Писателей, Композиторовъ, Полководцевъ, Артистовъ, Мыслителей, Изобрѣтателей, Путешественниковъ, а также выдающихся государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

100 ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ КАРТИНЪ для дѣтей **100**
Извѣстныхъ Европейскихъ художниковъ, въ шести выпускахъ, альбомами, отпечатанныхъ разнаго цвѣта красками.

Подписная цѣна: На годъ **6** руб.; на полгода **3** р.; на 4 мѣс. **2** руб. Пробный № высылается за 40 коп. марками.
Изданіе редакціи журнала „Пробужденіе“.
ПЕТРОГРАДЪ, Редакція журнала „Жаворонокъ“, Суворовскій, просп., собств. д. Редакторъ-Издатель **Н. В. КОРЕЦКІЙ.**

— Къ чорту! — сказалъ Марковъ 2-й. — Ко всѣмъ чертямъ! — сказалъ Колупаевъ. — Ко всѣмъ расчертямъ! — сказалъ Гамзѣй, — эту проклятую интеллигенцію, цивилизацию гнилого Запада! Двигай ее назадъ, такъ лѣтъ на двѣсти!

— Къ чорту фабричныхъ: они только забастовки дѣлаютъ! Поставимъ-ка автомобиль на наши, росейскія сани! — сказалъ Марковъ и поплелся по дѣламъ.

— Къ чорту проклятые университеты: они только революціонеровъ дѣлаютъ. И сталъ Марковъ лѣчиться у знахаря дугѣй да наговоромъ.

Вмѣсто „Медвѣдя“ онъ сталъ обѣдать у стряпухи Матрены, пить пѣнникъ и вылавливалъ таракановъ изъ шей.

Гамзѣй цѣлыми днями ходилъ безъ работы: политики не было, крамольниковъ тоже, еврейскій вопросъ исчезъ.

Собрались потомъ. — Надо подождать съ нашими реформами, — сказалъ Марковъ, — вотъ война кончится, уѣду я за границу и буду оттуда наблюдать за реформами. — Вѣрно, и мнѣ скучно, бить некого — никакой политики нѣтъ! — Съ реформой-то поспѣемъ, — сказалъ Колупаевъ, — ежели рабочихъ-то нѣтъ, надувать некого — дѣловъ нѣтъ.